

Сюань-юань Цюцзюэ. Празднование дня рождения?

При одном упоминании имени Сюань-юань перед глазами людей встают бескрайние земли династии, элитные войска и величественные дворцы. И, конечно же, на ум невольно приходит сам нынешний правитель — Сюань-юань Цюцзюэ, человек, правящий страной железной рукой, чья мужественность и величие вызывают неизменное восхищение.

Служить императору — что ходить по лезвию ножа. Эта мудрость, проверенная столетиями, была понятна каждому во дворце лучше, чем кому-либо другому.

Сегодня дворцовые стены, сложенные из красного кирпича и крытые золотой черепицей, сияли прежним великолепием, однако все евнухи и служанки сгибались в поклоне еще ниже, чем обычно, боясь поднять головы.

Облаченный в ярко-желтый халат с вышитыми драконами, в золотой короне с жемчугом, Сюань-юань Цюцзюэ широким, уверенным шагом шел по пурпурной галерее, ведущей к императорскому кабинету. Позади него, едва поспевая, следовал заместитель министра правосудия, спешно докладывая о делах.

— Прошу прощения, Ваше Величество, какое решение принять по делу о взяточничестве главы секретариата?

— Конфисковать все имущество!

— А как быть с губернатором провинции Хубэй Ху Сяньмином и чиновником соляного ведомства Чжан Чжао...

— Разрубить пополам, казнить всех до третьего колена!

Сюань-юань Цюцзюэ произносил приговоры один суровее другого, четко очерченные губы плотно сжались. По лбу заместителя министра правосудия катились капли пота, но он не смел даже поднять руку, чтобы смахнуть их.

Украдкой взглянув на профиль императора, чиновник почувствовал, как по спине пробежал холодок: на красивом, волевом лице правителя залегла тяжелая тень.

Он горько сожалел, что выбрал именно этот день для визита во дворец. Слухи о дурном настроении императора ходили уже давно, но видеть это своими глазами — совсем иное дело. Атмосфера была настолько давящей, что сердце уходило в пятки. Однако отступать было поздно, и чиновнику оставалось лишь стараться не дрожать ногами, следуя за Сюань-юань Цюцзюэ.

Внезапно император остановился. Заместитель министра чуть не врезался в его широкую

спину, испуганно отпрянул и тут же повалился на колени, моля о прощении.

Сюань-юань Цюцзюэ даже не взглянул на него. Опершись левой рукой на перила, он пристально смотрел пронзительным взглядом поверх низкорослых деревьев в сторону беседки в императорском саду.

В изящной шестиугольной беседке находились двое: один стоял, другой сидел. Первый был одет в чужеземные одежды, на голове его красовалась странная прическа. Он размахивал книгой и что-то оживленно рассказывал.

Тот, кто сидел, был облачен в простой халат, черные волосы, словно водопад, рассыпались по плечам. Он лениво полулежал на кушетке, укрытый тенью беседки. Длинные узкие глаза смотрели вдаль — то ли слушая рассказчика, то ли погружаясь в сон.

Летнее солнце палило нещадно, но внутрь беседки свет словно не проникал. Напротив, оттуда веяло едва заметным холодом.

Помолчав некоторое время, Сюань-юань Цюцзюэ нахмурился:

— Кто это?

Хотя он не уточнил, о ком спрашивает, всем и так было ясно, кого он имеет в виду.

— Ваше Величество, это сказитель, прибывший несколько дней назад с посольством из страны Во. Вы позволили ему войти во дворец, чтобы он поведал истории своей родины, — тут же отозвался личный евнух.

— М-м. — Сюань-юань Цюцзюэ кивнул. Он вспомнил, что действительно давал такое разрешение, и его суровое выражение лица немного смягчилось.

Евнух, заметив перемену в настроении господина, осторожно добавил:

— Ваше Величество, прикажете позвать Мо Гунцзы сюда?

Остальные слуги, наблюдавшие за этой сценой, дружно выдохнули. Все знали: как только Можань оказывался в поле зрения императора, его гнев сразу сменялся нежностью. Никогда еще они не были так благодарны холодному и отстраненному Можаню, как сейчас.

— Нет, — Сюань-юань Цюцзюэ покачал головой, не сводя с него мягкого взгляда. — Раз уж ему интересно слушать, не стоит его беспокоить.

В его голосе, приглушенном намеренно, сквозила горечь. Его Можань... кроме боевых искусств, его ничто не интересовало, ни до чего ему не было дела, даже до... Сжав кулаки, император отогнал от себя непрошенные мысли.

Заместитель министра правосудия, увидев, что на него не обращают внимания, тихо поднялся с колен и подобострастно заметил:

— Посольство из страны Во прибыло, чтобы поздравить Вас с днем рождения. Это лучшее доказательство того, что Ваша слава гремит по всему миру. Поздравляю, Ваше Величество!

При упоминании дня рождения все евнухи и служанки вздрогнули — они знали, что над чиновником нависла угроза. Сюань-юань Цюцзюэ, чья рука лежала на перилах, мгновенно напрягся.

Он медленно отвел нежный, полный любви взгляд от своего возлюбленного, и когда обернулся, его лицо, словно высеченное из камня, стало мертвенно-бледным.

Из-под густых бровей вырвался острый, холодный взгляд, вонзившийся прямо в чиновника. Не понимая, что сделал не так, тот застыл, боясь пошевелиться, пока его прошибал холодный пот, и лишь спустя время услышал мрачный, тяжелый голос:

— Продолжай доклад.

Давящее напряжение внезапно исчезло. Заместитель министра, вздохнув с облегчением, поднял голову и увидел, что Сюань-юань Цюцзюэ уже ушел. Испуганно спотыкаясь, он поспешил следом.

Когда шаги окончательно стихли, Можань, сидевший в беседке с полужакрытыми глазами, приподнял густые ресницы. Его прозрачные, холодные глаза бесстрастно скользнули по тому месту, где только что стоял Сюань-юань Цюцзюэ, после чего он снова медленно их закрыл.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в семь цветов. Сюань-юань Цюцзюэ, освободившись от дневных дел, отослал свиту и с улыбкой вошел во дворец Цаньцин:

— Можань, сокровище мое, я вернулся...

Не успел он закончить фразу, как воздух пререзал свист. Ощувив исходящую от него смертоносную ауру, император инстинктивно увернулся, но не успел: острая серебристая вспышка, смешанная с черно-белым облаком, обожгла левое плечо. Вскрикнув от боли, Сюань-юань Цюцзюэ отпрянул и нанес ответный удар кулаком.

Нападавший, похоже, не ожидал такой быстрой реакции. Сюань-юань Цюцзюэ, воспользовавшись моментом, прыгнул вперед, нанося серию стремительных ударов ногами, быстрых, как вихрь, и тяжелых, как гром.

Нападавший отлетел назад и рухнул на землю. Сюань-юань Цюцзюэ уже готов был продолжить атаку, но вдруг услышал холодное фырканье. Этот звук заставил его сердце остановиться.

Взглянув на упавшего, он остолбенел. На земле лежал не кто иной, как его возлюбленный!

— Можань! — вскрикнул он, бросившись к нему и пытаясь поднять, но тот оттолкнул его руки.

— Не трогай, — раздался привычно холодный голос, в котором сквозило легкое недовольство. Сюань-юань Цюцзюэ, уже много лет безнадежно влюбленный в него, тут же понурил голову и принялся извиняться.

Глядя на грязный след от сапога на его белоснежном халате, Сюань-юань Цюцзюэ корил себя. Можань — фанат боевых искусств, и они уже не раз устраивали такие спарринги. Обычно он был крайне осторожен, почему же сегодня допустил такую оплошность?

Он долго пытался заговорить с мужчиной, но тот не удостоивал его и взглядом, молча развязывая испачканную одежду.

— Это я виноват... Позволь мне ударить тебя в ответ, нет! Ударь меня десять раз, хорошо? — униженно просил Сюань-юань Цюцзюэ.

На словах он был щедр, но внутри содрогался: если позволить левому посланнику Культа Демонов ударить себя десять раз, можно и жизни лишиться!

После долгих извинений молчаливый мужчина наконец обернулся. Его черные волосы, словно волны, обрамляли тонкое лицо с острыми чертами, узкими бровями и тонкими губами.

Кто бы мог поверить, что этот невзрачный, холодный человек — возлюбленный самого императора?

Другие этого не понимали, но стоило Можаню бросить на него взгляд, как сердце Сюань-юань Цюцзюэ начинало бешено колотиться. Только он знал, что кроется за этой ледяной маской — нежность, скрытые слезы, мечты... В глазах Сюань-юань Цюцзюэ не было никого прекраснее его.

В горле пересохло.

— Слишком тяжелый, отойди, — холодный голос Можаня прервал его мысли. Император

обнаружил, что невольно навалился на него.

Под тонкой, почти прозрачной тканью халата угадывалось стройное, хрупкое тело. На бледных щеках Можаня проступил легкий румянец, придавший ему редкостную, завораживающую красоту. Алые губы были слегка приоткрыты, выпуская горячий воздух.

Сердце Сюань-юань Цюцзюэ забилося еще быстрее. Он хотел было продолжить начатое, но, заметив недовольно нахмуренные брови, сдержал порыв. Он бережно взял его на руки и перенес на любимую кушетку, присев рядом.

Можань лениво полулежал на расшитой подушке, черные волосы разметались по синему шелку. Сюань-юань Цюцзюэ не мог оторвать от него глаз, время от времени целуя мягкие пряди.

Лучи заходящего солнца проникали через резное окно, наполняя комнату теплым, интимным светом. Император обнимал любимого, осыпая его поцелуями, как вдруг тишину нарушил звук рвущейся ткани и резкая боль в плече.

Он посмотрел вниз: рукав был засучен, и Можань, нахмурившись, сосредоточенно перевязывал его рану.

Сюань-юань Цюцзюэ опешил. Он и представить не мог, что его холодный и безразличный любовник заметит такую мелочь. Сердце наполнилось таким теплом, что он даже забыл, что именно Можань — виновник этой раны.

Завязав полоску ткани аккуратным, пусть и немного кривоватым бантом, Можань просиял. Затем он поднял голову, протянул руку и уставился на Сюань-юань Цюцзюэ широко открытыми глазами.

— Можань? — Сюань-юань Цюцзюэ растерялся, глядя в эти полные ожидания ледяные глаза.

Можань еще выше поднял руку, широко раскрыв ладонь. Даже такой мудрый правитель, как Сюань-юань Цюцзюэ, не мог понять, о чем думает этот человек.

— Что-то случилось? Говори прямо.

Можань молчал. Он лишь достал из рукава книгу и протянул ее ему.

— Сказки Великого Солнца: Журавль, воздающий за доброту? — пролистав пару страниц, Сюань-юань Цюцзюэ не знал, смеяться ему или плакать.

— Это та история, которую сегодня рассказывал сказитель из страны Во?

Увидев, как Можань кивнул, Сюань-юань Цюцзюэ мысленно проклял предков того чужеземца. В сказке говорилось о журавле, который, получив помощь, превратился в человека, чтобы отблагодарить спасителя. Из-за этой нелепой байки он получил ранение при входе во дворец, а теперь виновник хочет, чтобы он его «отблагодарил»?

Гнев, копившийся несколько дней, готов был вырваться наружу, но, встретив взгляд, полный детского ожидания, он вынужден был отступить. Можань вырос в Культе Демонов, ничего не зная о мирских делах, только о культивации, и в его мире всё было шиворот-навыворот. Разве можно винить его за такие странности?

С этой мыслью глаза Сюань-юань Цюцзюэ вновь стали мягкими.

— Ты так хорошо перевязал мне рану... Ну и какой же «награды» хочет мой сокровище Можань? — прошептал он, намеренно дыша на его белоснежное ухо.

Можань, казалось, не понял двусмысленности его слов и принялся старательно размышлять. Сюань-юань Цюцзюэ терпеливо ждал, поглаживая его стройное тело. Будучи императором, он мог дать ему всё что угодно. Жаль только, что самое желанное — «самого себя» — получить было труднее всего!

В тот момент, когда он уже готов был поддаться порыву, Можань вдруг оттолкнул его.

Император изумленно наблюдал, как тот забирает книгу и, устроившись поудобнее, начинает читать.

Спустя несколько страниц, когда его игнорировали уже слишком долго, Сюань-юань Цюцзюэ не выдержал и покашлял, напоминая о себе:

— Кхм! Можань, ты так и не сказал, какой награды хочешь.

Можань, склонив голову, бросил на него холодный взгляд из-под черных ресниц:

— Ничего не хочу. Забудь.

То, что казалось интересным, после раздумий потеряло всякий смысл — в мире просто не осталось ничего, что могло бы его по-настоящему увлечь.

Сказав это, он снова уткнулся в книгу. Сюань-юань Цюцзюэ, привыкший к его холодной натуре, мог лишь горько усмехнуться.

Снова присев рядом и нежно погладив его по голове, он решился задать вопрос, который давно не давал ему покоя:

— Можань, все эти красные фонари и ленты, развешанные по дворцу... ты их видел?

— Видел.

Краткий ответ вселил в него крошечную надежду.

— И ты знаешь, что через два дня...

— Слишком ярко, вели убрать, — перебил его Можань.

Ледяной голос окончательно погасил надежду. Император стиснул зубы. Его внутренняя сила была настолько велика, что он превратил в пыль плитку под ногами, но не издал ни звука.

Разочарование переполняло его. Он не мог открыто злиться перед человеком, который ничего не знает и не хочет знать. Но, мельком взглянув на книгу в руках Можаня, он вдруг кое-что придумал. Сказитель из страны Во... быть может, это верный путь?

В зале дворца Цаньцин, украшенном золотыми драконами, стоял невообразимый шум.

— Проклятье! — Сюань-юань Цюцзюэ ударил по столу, заставив все предметы на нем подпрыгнуть. Его глаза налились кровью, когда он указал на стоящего на коленях сказителя:
— Ты хоть слово в слово рассказывал то, что я тебе написал?!

Чужеземец отчаянно бился головой об пол:

— Рассказывал! Всё рассказал!

— Тогда почему он никак не отреагировал?! — процедил сквозь зубы император. Сказитель, не смея оправдываться, лишь еще сильнее застучал лбом по плитке.

Сюань-юань Цюцзюэ понимал, что тот не осмелился бы изменить ни слова, но гнев требовал выхода. Он холодно махнул рукой, прогоняя его. Личный евнух Фу Лай, набравшись смелости, прошептал:

— Ваше Величество, может, стоит просто сказать ему напрямую?

— Я... — Он не мог.

Он — правитель великой империи, как он может опуститься до того, чтобы выпрашивать подарок?

Тридцатилетие. Весь город гудел от подготовки. Месяц назад прибыли послы, чиновники соревновались в ценности подарков, всем раздали новую одежду, празднества распланированы. Весь мир знал, что сегодня его день рождения, и лишь его возлюбленный не знал ничего.

Ладно, он понимал характер Можаня. Поэтому он приказал евнухам распускать слухи: «О, император празднует день рождения! Тот чиновник преподнес жемчужину величиной с кулак! Тот маркиз примчался из самого Цзяннаня!» Он думал, что хоть так Можань догадается!

А потом, испугавшись, что Можань не знает, что в день рождения положено дарить подарки, он ночи напролет писал сценарий сказки...

Глядя на книгу с заголовком «Сказки Великого Солнца: Подарок на день рождения», Сюань-юань Цюцзюэ в ярости смел всё со стола.

— Негодяи! — он был в ярости. Он разрубил сандаловый стол ударом руки.

Упав на трон, он задался вопросом: неужели он стал таким мелочным? Великий император, жаждущий подарка? Смешно, но он действительно жаждал этого.

Пусть бы даже не было подарка — лишь бы Можань поцеловал его и сказал: «С днем рождения». Неужели это несбыточная мечта?

— Ваше Величество, пора, чиновники ждут, — прошептал евнух.

Сюань-юань Цюцзюэ поднялся, поправил рукава и с хмурым лицом вышел.

В главном зале выстроились сановники. Повсюду лилось вино, гремела музыка, но брови императора оставались сведены к переносице.

— Ваше Величество, евнух из дворца Цаньцин просит аудиенции, — доложил стражник.

Дворец Цаньцин? Можань? Сюань-юань Цюцзюэ удивленно кивнул. С тех пор как Можань там поселился, он впервые прислал весточку. Не случилось ли чего? Руки императора невольно сжались на подлокотниках трона.

К нему подошел молодой евнух с правильными чертами лица и, опустив голову, заговорил.